

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1973

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1975

ИСТОРИЯ

С. Г. Агаджанов

ОГУЗСКАЯ ПРОБЛЕМА И ЗАДАЧИ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ

Огузская проблема выходит далеко за рамки локальной истории Центральной и Средней Азии. Вступление огузских племен на арену мировой истории произошло в эпоху, насыщенную бурными событиями. Это была пора гибели Саманидского и Буидского государств, распада Газневидской державы и заката Византийской империи. Значительным событием эпохи явилось образование Сельджукского государства и начало крестовых походов. Поэтому исторические судьбы огузов тесно переплетены с судьбами многих народов Ближнего и Среднего Востока. Ощутимый след огузские племена оставили и в истории Причерноморья, Южной Руси и Балканского полуострова. Особенно значительную роль они сыграли в истории тюркоязычного мира Западной Азии. Несмотря на это, огузская проблема освещена крайне неравномерно и не подвергалась еще генеральному изучению. Между тем комплексное решение данной проблемы оказало бы благотворное влияние на исследование истории многих народов от Северной Монголии до Малой Азии.

Разработка огузской проблемы имеет особенно важное значение для изучения истории ряда тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана, Закавказья и Передней Азии, их этногенеза, социального и политического строя, исторической географии и этнографии. В первую очередь это относится к туркменам, азербайджанцам и туркам, в этнической истории которых огузы сыграли немалую роль. Значительные группы огузского происхождения влились в состав казахов, узбеков, каракалпаков, а также башкир и татар.

В рамках одной статьи невозможно осветить большой комплекс вопросов, связанных с историей всего огузского этноса¹, который территориально лишь немногим уступал

¹ Состояние изученности огузской проблемы в отечественной и зарубежной исторической науке уже освещалось в ряде статей и работ. Это избавляет нас от специального историографического экскурса, который мо-

древним гуннам. Поэтому мы рассматриваем лишь отдельные узловые проблемы истории огузских племен в IX—XIII вв., в первую очередь формирование и развитие этнической общности и некоторые вопросы социально-экономической истории огузов Средней Азии. Основная цель статьи заключается в постановке ряда дискуссионных вопросов, требующих решения в обозримом будущем.

Среди кардинальных проблем истории восточного средневековья важное место занимает этногенез огузов. Данная тема освещается исследователями главным образом в плане региональной истории тюркских народов Средней Азии, Казахстана, Закавказья и Малой Азии. Усилия востоковедов, археологов и этнографов в основном направлены на поиски следов этнической преемственности между этими народами и огузскими племенами. К настоящему времени проделано немало для выяснения исторической роли огузов в формировании туркменского, азербайджанского, турецкого и других народов. Такой подход отражает закономерности научного познания от явления к сущности и оправдан как неизбежный этап в изучении рассматриваемой проблемы. Однако по мере накопления и обобщения фактического материала возникает необходимость в историческом синтезе более широкого плана. Вместе с тем назревает пора разработать методику комплексных исследований, ставящих целью выяснение особенностей и закономерностей истории огузского этноса Азии и Европы.

жет далеко увести за рамки избранного круга вопросов. Можно лишь вкратце отметить, что тематические обзоры огузской проблемы содержатся в научных докладах, сделанных на Всесоюзной научной конференции по этногенезу туркмен и на II Тюркологической конференции в Ленинграде. Более подробно освещены наиболее важных и спорных вопросов дано в монографии, посвященной истории огузов и туркмен Средней Азии в IX—XIII вв. Состояние изученности, имеющей непосредственное отношение к огузам сельджукской тематики, освещено в специальном докладе, сделанном на Тюркологической конференции 1967 г. См.: С. Г. Агаджанов, А. Каррыев, А. А. Росляков, Проблемы этногенеза туркменского народа в исторической литературе, — Всесоюзная сессия по этногенезу туркменского народа. Тезисы докладов и научных сообщений, Ашхабад, 1967; они же, Проблемы этногенеза туркмен в исторической науке, — Ученые записки Туркменского государственного университета им. А. М. Горького. Серия историко-юридических наук, вып. 57, Ашхабад, 1970; С. Г. Агаджанов, Основные проблемы истории огузских племен Средней Азии, — Филология и история тюркских народов. Тезисы научной конференции в Ленинграде, М., 1967; С. Г. Агаджанов, Некоторые проблемы истории огузских племен Средней Азии, — Тюркологический сборник. 1970, М., 1970; Р. А. Гусейнов, Сельджукская тематика в современной историографии, — там же. Историографический обзор сельджукской тематики, связанной с Закавказьем, содержится в книге Н. Н. Шенгелия «Сельджуки и Грузия в XI в.» (Тбилиси, 1968).

Применяемые в рассматриваемой области сопоставительные приемы не всегда обоснованны и эффективны. В качестве примера можно указать на историко-этнографические работы о туркменских племенах XIX — начала XX в. Методика этих работ, заложенная в 30—40-х годах Г. И. Карповым², требует ныне существенных коррективов. Сущность данной методики заключается в констатации прямой линии этнической наследственности на основе совпадения племенных наименований средневековых огузов и современных туркмен. Хотя в целом историческая преемственность между ними не вызывает сомнений, это не исключает необходимости обоснования в любом конкретном отождествлении.

В истории, как и в природе, следует отличать формальное сходство от прямой аналогии, так как повторяемость — далеко не достаточное условие для научного анализа. Общее название еще ни о чем не говорит, поскольку в кочевом обществе этнические перегруппировки нередко осуществлялись под старыми наименованиями, существовала относительная подвижность родо-племенной структуры. В процессе исторических миграций к тому же иногда в корне менялся этнолингвистический состав племен. Это положение хорошо иллюстрируется материалами по истории огузов и туркмен Передней Азии. Например, в документах г. Урфы XV—XVI вв. упоминается племя с огузским названием «джюкер», но оно фигурирует уже как племя курдов. В ходе своих передвижений огузы не только ассимилировали другие народы, но и сами подчас растворялись в новой среде. Иногда это сопровождалось постепенными изменениями как в их быту, так и в языке. Часть потомков огузов и туркмен Сирии, например, утратила свой язык и стала говорить по-арабски³. В ходе сельджукских завоеваний XI в. нередко происходили распад и перегруппировка старых огузских родов и племен. Менялся не только их родо-племенной, но иногда и этнический состав. При этом инкорпорировавшиеся в огузо-туркменскую среду этнические группы подчас принимали даже названия племен сельджукского объединения⁴.

Советские и зарубежные исследователи довольно часто

² См. особенно его работу «Туркмены — огузы (Материалы по этногенезу туркменского народа)», — Известия Туркменского филиала АН СССР, 1945, № 1.

³ Д. Е. Еремеев. Происхождение юрюков и туркмен Турции и основные этапы их истории, — в кн.: Этнические процессы и состав населения в странах Передней Азии, М.—Л., 1963, стр. 35, 36.

⁴ М. Н. Yınanç, Türkiye tarihi. Selçuklular devri. İstanbul, 1944, стр. 186; Cl. Cahen, Notes pour l'histoire des Turcoman's d'Asie Mineure au XIII siècle, — «Journal Asiatique», 1951, t. CCXXXIX, fasc. 3.

используют топонимику для выяснения этнических контактов, расселения и передвижения средневековых огузских племен. Однако методика обращения с этим интересным, но специфическим материалом еще не выработана.

Некоторые ученые делают попытку использовать данные исторической ономастики для этностатистического подхода к решению отдельных аспектов рассматриваемой проблемы. Именно так поступает, например, турецкий историк Ф. Сюмер в своей монографии «Огузы (туркмены)» при рассмотрении огузской этнотопонимики Средней и Передней Азии⁵. Исходя из простого арифметического подсчета названий местностей, он делает смелые выводы о роли тех или иных огузских племен в этнических и миграционных процессах XI—XIII вв.⁶ При этом он забывает о том факте, что целый ряд топонимов, совпадающих с названиями огузских племен, в действительности имеет антропонимическое происхождение⁷.

Таким образом, при освещении этнической истории огузов и их расселения необходимы обоснованные научные критерии. В противном случае трудно избежать путаницы и серьезных ошибок в этой специфической и трудной области истории. Применение метода этнической статистики, как и других научных приемов, вполне оправдано, но лишь при строгом учете всего имеющегося комплекса фактов.

Проблема огузского этноса⁸ занимает одно из ключевых мест в истории средневековых тюркоязычных народов Средней и Передней Азии. Однако вопрос о конкретном времени

⁵ F. Sümer, *Oğuzlar (Türkmenler). Tarihleri-boy teşkilâtı — destanları*, Ankara, 1967.

⁶ См. рецензию Р. А. Гусейнова на книгу Ф. Сюмера в журнале «Народы Азии и Африки», 1969, № 3, стр. 181—184

⁷ Д. Е. Еремеев, Происхождение юрков и туркмен Турции, стр. 51.

⁸ В советской историографии последних лет значительное внимание уделено спорным вопросам, связанным с определением содержания термина «этнос». Однако в данном случае нет резона вдаваться в дискуссию по этой важной в методологическом отношении проблеме. Следует только отметить, что нам представляется более обоснованной точка зрения о социальной, а не биологической сущности этноса как исторического явления. Правда, этнос характерен для всех формаций, но это не противоречит такому взгляду, поскольку этнос изменялся с развитием общества. Разумеется, этим не снимается проблема соотношения этнических и расовых групп человечества, но исключается возможность их отождествления. Хотя вопрос о типологизации этнических общностей не решен до конца в советской исторической науке, существование таких крупных общностей, как племя и народность, не вызывает сомнений. См.: Н. Н. Чебоксаров, Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых, — «Советская этнография», 1967, № 4; К итогам дискуссии по некоторым проблемам теории нации, — «Вопросы истории», 1970, № 8.

и путях формирования огузской народности практически еще не изучен в нашей историографии. Между тем без решения его невозможно освещение целого ряда вопросов истории огузского этноса.

Анализ источников приводит нас к выводу о том, что в IX—XI вв. в Средней Азии шел процесс сложения огузской народности. Он сопровождался распадом кровнородственных связей, возникновением раннефеодальных отношений и государственности. Формировалась этническая общность нового типа, в основе которой лежали территориально-хозяйственные связи. Важную роль в этом процессе сыграло образование державы огузских ябгу с политическим центром в низовьях Сырдарьи. Огузское государство, как и многие другие кочевые империи, не было монолитным, а его границы — постоянными и строго определенными. Внутри огузского общества шел процесс выделения богатой и влиятельной знати, пытавшейся закабалить свободных общинников (эров). Далеко зашедший социальный конфликт привел к распаду державы сырдарьинских ябгу, не выдержавшей в середине XI в. удара соседних кыпчакских племен.

Разгром 1050—1051 гг. имел роковые последствия для исторических судеб огузских племен Средней Азии. Кыпчакское нашествие прервало интенсивный процесс образования средневековой огузской народности⁹.

Такова самая общая схема формирования и распада огузской народности, которая нуждается в более глубокой разработке. Прежде всего требуется уточнение вопроса о начальном этапе и путях становления огузов как этнической общности в Средней Азии¹⁰. Решение этой проблемы затрудняется целым рядом объективных причин, главным образом скудостью исторических фактов.

В советской историографии распространено мнение о том, что исходным ареалом этногенеза огузов было нижнее течение Сырдарьи¹¹. Однако анализ данных исторической географии и огузских преданий¹² в сочетании с археологическими исследованиями последних лет¹³ заставляет нас по-новому

⁹ См. подробнее: С. Г. Агаджанов, *Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв.*, Ашхабад, 1969.

¹⁰ В равной степени это относится и к проблеме этнополитического соотношения между огузами Центральной и Средней Азии. Исследование данного крайне сложного вопроса является одной из неотложных задач тюркологии.

¹¹ См. подробнее: С. Г. Агаджанов, *Некоторые проблемы истории огузских племен Средней Азии*, стр. 195, 196.

¹² С. Г. Агаджанов, *Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв.*, стр. 122—135.

¹³ Л. И. Левина, *Керамика нижней и средней Сыр-Дарьи в первом тысячелетии нашей эры* (автореф. канд. дисс.), М., 1961.

поставить этот вопрос. Имеющиеся на сегодня историко-археологические материалы позволяют думать, что первоначальный этап формирования огузского этноса был связан не с Приаральем, а с Западным Семиречьем.

В исторических судьбах огузских племен Средней Азии важным периодом явились конец VIII—IX вв. Это была пора интенсивного складывания огузской конфедерации. Очевидно, вплоть до середины VIII в. основная масса огузов Средней Азии обитала в Джетысу. С падением Западнотюркского каганата (742 г.) и захватом карлуками Семиречья (766 г.) огузские племена начинают передвигаться на среднее, а затем нижнее течение Сырдарьи. Вожди огузских племен, вероятно, приняли деятельное участие в дележе наследства западнотюркских каганов. В ходе ожесточенной борьбы с карлуками и другими восточнотюркскими племенами значительная масса огузов оставила после событий 766 г. пределы Джетысу и стала уходить в Приаралье. Однако предводителям огузов не сразу удалось захватить политическую гегемонию в долине Сырдарьи. Лишь к середине IX в. огузские вожди сумели овладеть степями Приаралья, нанеся поражение обитавшим здесь печенего-кангарским и другим племенам¹⁴.

В формировании огузского этноса Средней Азии большую роль сыграло образование государства сырдарьинских ябгу в конце IX — первой половине X в. Племена, вошедшие в состав этой степной державы, получили с течением времени общее название «огуз»¹⁵.

Огузская конфедерация образовалась на базе сложного этнического синтеза пришлых восточнотюркских элементов и местной субстратной основы. В конфедерацию вошли остатки побежденных огузами печенего-кангарских и других степных племен долины Сырдарьи, Приаралья и Северного Прикаспия. Среди них имелись племена индоевропейского и финно-угорского происхождения, которые в той или иной мере подвергались процессу тюркизации¹⁶. В частности, речь идет об алахах и асах, населявших степи между Аральским морем

¹⁴ С. Г. Агаджанов, Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв., стр. 128—132.

¹⁵ В исторической и филологической литературе существует ряд точек зрения о происхождении этого названия. См. сводку этих данных: А. Н. Кононов, Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского, М.—Л., 1958; С. Г. Агаджанов, А. Каррыев, А. А. Росляков, Проблемы этногенеза туркмен в исторической науке.

¹⁶ Очевидно, к их числу можно также отнести потомков баджгардов, нукарда и баджна, которые в VIII—IX вв. обитали в Приаралье и Северном Прикаспии. См.: С. Г. Агаджанов, Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв., стр. 127—132.

и восточным побережьем Каспия¹⁷. Язык этих народов, кочевавших, по-видимому, в Северных Каракумах, в XI в. был «составлен из хорезмийского и печенежского»¹⁸. Другими словами, в его основе лежали смешанные ирано-тюркские лексические и другие языковые формы.

В средневековых источниках, к сожалению, нет сведений о родо-племенном составе огузов Средней Азии в VIII—IX вв. Согласно историческим преданиям, восходящим к домонгольской поре, основное ядро огузов первоначально состояло из нескольких тысяч семей. Это было конное войско огузов, покорившее земли от Таласа и Сайрама до Хорезма и Итиля. Оно насчитывало 100 тыс. кибиток и называлось «ок-тугра-огуз»¹⁹. Это собирательное имя ранних огузов (либо их основного этнического или политического ядра) представляет значительный научный интерес. Помимо самоназвания «огуз» оно включает определительные термины «ок» и «тугра».

В древнетюркских текстах «ок» имеет основное значение «стрела», а также «родо-племенное подразделение»²⁰. Слово «тугра» в форме «туграг» встречается в «Диван лугат ат-тюрк» в значении «монограмма, печать хана, распоряжение хана»²¹. В труде Махмуда Кашгарского при этом поясняется: «Туграг — печать царя по-огузски, тюрки не знают этого слова, и я не знаю его корня»²².

Рассматриваемый термин в форме «тугра» позднее реально существовал в государстве Сельджукидов, а также в Османской империи. Сельджукидская тугра представляет собой монограмму с изображением стрелы и лука и служила официальной эмблемой царствующей династии²³. Она ставилась на фирманах и других официальных документах, причем каждый султан (или малик) имел свою тугру²⁴. В связи

¹⁷ См. о них: С. П. Толстов, Бируни и проблемы древней и средневековой истории Хорезма, — Материалы первой Всесоюзной научной конференции востоковедов, Ташкент, 1958, стр. 128.

¹⁸ Абу Рейхан Бируни, Геодезия, исследование, перевод и примечания П. Г. Булгакова, — Бируни, Избранные произведения, т. III, Ташкент, 1966, стр. 95, 96.

¹⁹ Рашид ад-Дин, Джамии ат-таварих. Фотокопия рукописи Британского музея, ИВАН СССР, ИФВ-242, лл. 410—412; Рашид ад-Дин, Джамии ат-таварих. Рукопись Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ПНС-46, лл. 217—227.

²⁰ A. von Gabain, Alttürkische Grammatik, Leipzig, 1950, стр. 321.
²¹ Так называлась и лошадь, предоставленная ханом во время похода (Древнетюркский словарь, Л., 1969, стр. 548).

²² Махмуд и бн Хусейн ал-Кашгари, Диван лугат ат-тюрк, т. I, Стамбул, 1333—1335 г. х., стр. 385; Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, М.—Л., 1939, стр. 311.

²³ The Cambridge History of Iran, vol. V. The Saljuq and Mongol Periods, Cambridge, 1968, стр. 88.

²⁴ Там же, стр. 257, прим. 1.

с этим значительный интерес представляют также монеты и памятные медали Сельджукидов. Они имеют на себе изображение лука и стрелы²⁵, которые совпадают с тамгами некоторых огузских племен. Наибольшее сходство прослеживается между этими символическими знаками и племенными тамгами кайи и баятов²⁶. Знать этих сильных и влиятельных огузских племен играла важную роль в военной организации первых Сельджукидов. Обращает на себя внимание и тот факт, что лук и стрелы считались эмблемами двух огузских братрий. Лук был символом бузуков, или «старших» племен, а стрелы — эмблемой учуков, т. е. «младших» племен²⁷.

Приведенные историко-этнографические сведения показывают важное значение лука и стрел как племенных символов у огузов. Становится также очевидной тесная связь названия «ок-тугра-огуз» с этой символикой²⁸. Эмблема в виде лука и стрелы, вероятно, была отличительным знаком уже племен раннего огузского объединения. Вокруг этого ядра в дальнейшем сгруппировались другие степные тюркоязычные роды и племена. Среди таких присоединившихся к ним племен была, например, часть джагра (шагра)²⁹ и тюрок-чаруков Семиречья³⁰. В состав племен, основавших государство сырдарьинских ябгу, вошла также часть карлуков и йемеков (кимаков). Скорее всего это были союзники огузских вождей в их многолетней борьбе против кангаро-печенежской

²⁵ Ср.: С. Г. Агаджанов, Огузские племена Средней Азии IX—XIII вв. (историко-этнографический очерк), — Страны и народы Востока, вып. X. Средняя и Центральная Азия, М., 1971, стр. 185.

²⁶ С. Г. Агаджанов, Уникальная медаль с изображением сельджукидского султана Мухаммада Тогрул-бека, — Известия Академии наук Туркменской ССР. Серия общественных наук, 1964, № 4, стр. 10—16.

²⁷ Рашид ад-Дин, Сборник летописей, т. I, кн. 1, М.—Л., 1952, стр. 86—90; А. Н. Кононов, Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского, стр. 48—51.

²⁸ В одном из рассказов, имеющих в малоизвестной версии «Огузнаме», говорится о походе Огуз-хана, легендарного предка огузов, в страну Мрака. Награбив здесь большую добычу, Огуз послал ее домой на ста арбах, а сопровождающим дал свой лук и две золотые стрелы в качестве ярлыка и знака (*нишан*). Это было сделано с той целью, чтобы перевозчикам добычи на всем пути их следования «давали дровиант и фураж, прислуживали [им] и оказывали почести». Салыр-Баба, Джами аттаварих. Рукопись Института языка и литературы АН ТуркмССР, инв. № 526, л. 120.

²⁹ С. Г. Агаджанов, Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв., стр. 146.

³⁰ См. об этом: С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии, М., 1964, стр. 131; A. von Le Coq, Türkische Manichaica aus Chotscho, Berlin, 1911. Скорее всего эти чаруки идентичны с огузским племенем XI в. под названием джаруклуг, потомками которых, вероятно, являются позднейшие туркмены-сарыки.

группировки. В числе таких племен, имевших йемеко-кимакское происхождение, были кайи и баюндуры³¹. Интересно отметить, что в X в. часть кимаков совместно с огузами кочевала на территории нынешнего Западного Казахстана³². Так далеко на запад от Обь-Иртышского междуречья, где жила основная масса йемеков-кимаков, могли заходить лишь племена, находившиеся в тесном союзе с огузскими ябгу. Постепенно они утратили связи с родственными им восточно-кимакскими племенами и инкорпорировались в состав огузского этноса Средней Азии³³.

История формирования огузской народности содержит еще много сложных и почти не исследованных вопросов. Особенно труден вопрос о раннем этапе складывания огузского этноса в Средней Азии. Его решение зависит не только от историко-географической интерпретации вопроса об исходном ареале огузского этногенеза. Значительную роль в этом может сыграть выяснение структуры и эволюции семейно-брачных отношений у огузских племен Средней Азии в IX—XI вв. Одним из характерных признаков этноса на раннем этапе его развития, как известно, служила эндогамия³⁴. Нарушение эндогамии влекло за собой крупные перемены, способствовало образованию путем смешанных браков новых этнических общностей. Важную роль в этом процессе играли также крупные миграции типа великого переселения народов. Завоевательные походы и массовые переселения вели к замене кровнородственных отношений территориально-хозяйственными связями. Все это способствовало распаду старых этнических общностей и формированию новых народностей³⁵.

Изучение этнической истории огузов, таким образом, связано с решением большого круга сложных вопросов. Среди них одно из важных мест занимает проблема соотношения терминов «огуз», «туркмен», «сельджук».

³¹ В. В. Бартольд, Отчет о поездке в Среднюю Азию 1893—1894 гг. с научной целью, — Сочинения, т. 4, М., стр. 39; Б. Кумеков, Государство кимаков в IX—XI вв. по арабским источникам (автореф., канд. дисс.), М., 1970.

³² С. Г. Агаджанов, Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв., стр. 147.

³³ По всей вероятности, к числу таких племен можно отнести и имуров, некогда обитавших в верховьях Иртыша или Оби. Ю. А. Зуев, К семантике этнонима Имур-имир, — Известия Академии наук Туркменской ССР. Серия общественных наук, 1968, № 4, стр. 95, 96; I. Marguart, Über das Volkstum der Komänen, Berlin, 1941.

³⁴ Ю. В. Бромлей, Этнос и эндогамия, — «Советская этнография», 1969, № 3, стр. 84—91.

³⁵ В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей, К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей, — «Советская этнография», 1968, № 2, стр. 35—45.

В советской исторической литературе вплоть до середины 50-х годов господствовала тенденция полного отождествления туркмен с огузами³⁶. Аналогичных взглядов придерживаются и современные зарубежные историки, особенно турецкие³⁷. Такой подход отличается крайней односторонностью в фактическом и методическом отношении, вследствие чего искажается реальная картина, обедняется история многих тюркоязычных народов Передней Азии и Восточной Европы. Фактически выхолащивается и история современного туркменского народа, в этногенезе которого огузы явились лишь одним из крупных слагаемых. Огузы не были единственными предками современных туркмен, основное ядро которых образовалось из тюркизированных потомков древнего населения степей и оазисов Закаспия. Однако этнические компоненты огузского происхождения сыграли чрезвычайно важную роль в формировании туркменской народности.

Средневековые огузы и туркмены были этнически близкими, но не абсолютно идентичными народами. В современной отечественной и отчасти зарубежной историографии высказаны различные соображения о некоторых отличиях между огузами и туркменами X—XIII вв.³⁸. Несмотря на это, вопрос о наиболее типичных чертах сходства и характерных различиях между ними остается неясным. Прежде всего фактически не выяснено конкретное содержание терминов «огуз» и «туркмен» в различные периоды истории Средней Азии. Соотношение между этими понятиями не было статичным и менялось на протяжении IX—XIII вв. Различными были и ареалы компактного расселения огузов и туркмен до начала сельджукского движения и падения государства сырдарьинских ябгу. Собственно огузские племена занимали в основном степную полосу нынешнего Западного Казахстана, низовья Сырдарьи, Приаралье и Северный Прикаспий. Этнические группы, называвшиеся туркменами, обитали первоначально на среднем течении Сырдарьи, в предгорьях Каратау и в Западном Семиречье³⁹.

Развитие этих двух генетически связанных между собой, но далеко не тождественных этнических общностей происхо-

³⁶ См.: С. Г. Агаджанов, А. Каррыев, А. А. Росляков, Проблемы этногенеза туркменского народа в исторической науке.

³⁷ F. S ü m e r, *Oğuzlar (Türkmenler)*.

³⁸ См.: А. А. Росляков, Туркмены и огузы, — Ученые записки Туркменского государственного университета им. А. М. Горького, вып. 73, Ашхабад, 1955; V. Minor sky, *Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India*, London, 1942.

³⁹ С. Г. Агаджанов, Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв., стр. 80 и сл.

дило в сфере различных политических образований. Формирование основной массы огузских племен в раннефеодальную народность протекало в рамках степной державы верховных правителей Янгикента, становление туркменской общности — в юго-восточной части Средней Азии, которая входила в сферу политического влияния соседнего Мавераннахра.

Различными были и культурно-исторические условия, в которых протекало формирование огузской и туркменской общностей в Средней Азии. Степные огузские племена, хотя и имели тесные связи с пограничным Хорезмом и сопредельными областями Восточной Европы, развивали самобытную культуру и сохраняли древние языческие верования⁴⁰. В отличие от них кочевое и полуседлое население среднего течения Сырдарьи и Западного Джетысу испытало заметное воздействие мусульманской культуры Мавераннахра. Ислам медленно, но верно проникал к тюркоязычным племенам этого региона Средней Азии⁴¹. В X—XI вв. мусульманская религия получила распространение и среди обитавших здесь восточно-огузских племен. Исламизированные огузы, а также карлуки и другие тюркские группы постепенно начали смешиваться с оседлым и степным «мусульманским» населением Шашской и Исфиджабской областей и получили общее наименование «туркмены»⁴².

Процессы консолидации на основе этнической ассимиляции происходили и в западноогузской среде. В этом отношении значительный интерес представляют палеоантропологические материалы из огузо-печенежских курганов, находящихся на территории нынешнего Западного Казахстана⁴³. В этих погребениях обнаружены черепа монголоидного, европеоидного и метисного облика. Среди явно преобладающих монголоидных черепов доминируют черты южносибирского типа. Антропологи считают эту серию близко стоящей к большой монголоидной расе, но с некоторым сдвигом в сторону европеоид-

⁴⁰ С. Г. Агаджанов, *Огузские племена Средней Азии (историко-этнографический очерк)*, стр. 180—184.

⁴¹ В X—XI вв. ислам проникал и в среду западноогузских племен, но он не получил здесь сколько-нибудь широкого распространения.

⁴² Вопреки распространенному в исторической науке мнению это название появляется гораздо раньше X в. В различных фонетических передачах оно фигурирует в арабских, китайских и согдийских источниках VII—VIII вв. Географическое проявление этого термина связывается с территорией от Сырдарьи до Чу-Таласской долины (С. Г. Агаджанов, *Новые материалы о происхождении туркмен*, стр. 12—24).

⁴³ См.: И. В. Сеницын, *Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане*, — *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*, 1951, вып. XXXVII.

ности⁴⁴. Рассматриваемая серия обнаруживает сходство с черепами из кочевнических захоронений близ Саркела⁴⁵. Погребенные в этих могильниках IX—X вв. составляли военную дружину, находившуюся на службе у местных правителей. В данной серии представлены черепа европеоидного, монголоидного и смешанного типов. Серия в целом характеризуется как брахикранная с относительно высоким лицом и значительно выступающим носом. Монголоидные черепа несут на себе признаки метисации с европеоидной расой. Эти черепа сочетают европеоидную примесь с отличительными чертами южносибирской расы. Среди европеоидных черепов имеется незначительный процент долихоцефалов средиземноморского типа.

Имеющиеся на сегодня исторические и краниологические данные свидетельствуют о процессе метисации как восточных; так и западных огузов с окружавшими их народами. Однако эти процессы имели в конечном итоге далеко не одинаковые результаты. Главным образом это объясняется тем, что в основе этногенеза восточных и западных огузов лежали различные исходные компоненты. Отличия между ними заключались также в родо-племенном составе, языковых и бытовых особенностях.

Среди огузов нижнего течения Сырдарьи и Северного Прикаспия имелись печенежские, алаские, западногерманские (кыпчакские) и другие тюркоязычные компоненты. В формировании туркменского населения средней части бассейна Сырдарьи наряду с огузами участвовали восточнотюркские элементы, особенно карлуки и халаджи.

В силу сложившихся исторических условий в IX — начале XI в. происходила естественная дифференциация на западных и восточных огузов, называвшихся также туркменами. Различия между ними особенно усилились в конце X — первой четверти XI в. в результате сельджукского движения. В X в. среди огузо-туркменского населения среднего течения Сырдарьи и предгорий Каратау возвысился род Сельджука, происходивший из многочисленного и сильного племени кынык⁴⁶. Около середины X в. между Сельджукидами и местным огуз-

⁴⁴ В. В. Гинзбург, Б. В. Фирштейн, *Материалы к антропологии древнего населения Западного Казахстана*, — Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР, Л., 1958, т. XXVIII.

⁴⁵ М. И. Артамонов считает эти погребения огузскими, а С. А. Плетнева относит их к огузам и печенегам (С. А. Плетнева, *Кочевнический могильник близ Саркела — Белой Вежи*, — *Материалы и исследования по археологии СССР*, т. 109, М., 1963, стр. 216—259).

⁴⁶ См.: С. Г. Агаджанов, *К истории формирования сельджукского объединения*, — Тезисы докладов и научных сообщений второй Республиканской научной конференции историков, Ашхабад, 1968.

ским правителем начался конфликт, приведший к уходу части полукочевых и кочевых племен огузо-туркменского происхождения в низовья Сырдарьи. Сельджукиды и подвластные им племена вскоре подняли здесь восстание против огузского ябгу и захватили Джендскую область. Началась многолетняя ожесточенная борьба племен сельджукской группировки с вождями сырдарьинских огузов.

Сельджукская знать, обратившаяся в ислам, возглавила борьбу против языческих огузских вождей под лозунгами отмены хараджа с мусульман и «священной» войны с «неверными»⁴⁷. Она рассчитывала тем самым обрести поддержку соседних мусульманских правителей и части исламизированного оседлого населения подвластных огузским ябгу городов в нижнем течении Сырдарьи. В сложившихся условиях деление на огузов и туркмен, не имевшее прежде принципиального значения, приобрело вполне реальный конкретный смысл. Обращает на себя внимание, что именно в эту пору, особенно в первой четверти XI в., название «туркмен» получило широкое распространение среди племен сельджукского объединения. Старое имя «огуз», ассоциировавшееся с язычеством, стало вытесняться и сохранилось лишь за враждебными сельджукам племенами сырдарьинских огузов.

Дальнейший ход исторических событий в Средней Азии объективно содействовал постепенному отмиранию термина «огуз» и распространению названия «туркмен». В значительной степени этому способствовали гибель державы огузских ябгу и образование Сельджукской империи. Разгром сырдарьинских и приаральских огузов в середине XI в. прервал дальнейший процесс развития огузской народности. Значительная масса огузов под напором кыпчаков перекочевала в пределы Восточной Европы и Малой Азии. Другая часть огузов перешла под власть Караханидов Мавераннахра и сельджукских правителей Хорасана. Остатки разбитых кыпчаками огузов в дальнейшем растворились среди тюркоязычных племен Дешти Кыпчака. Начиная с этой поры сам термин «огуз» стал исчезать со страниц истории Средней Азии.

Между тем название «туркмен», обретшее в XI—XII вв. собирательное значение, стало выступать в качестве общего имени тюркоязычных племен Хорезма, Горгана, Дихистана, Хорасана. Образование державы Сельджукидов содействовало закреплению этого термина в качестве этнического названия части подвластных ей тюркских племен Средней Азии. Официальные грамоты «великих» Сельджукидов XII в. назы-

⁴⁷ Ибн ал-Асир, Тарих ал-камиль (изд. Торнберга), IX, 322; Мирхонд, История сельджуков (изд. Вуллера), стр. 5—6.

вают эти племена (среди которых было немало восточногузских элементов) туркменами и просто тюрками⁴⁸. В политических рамках восточных областей Сельджукского государства началось формирование туркменской народности, приведшее позднее к образованию новой крупной этнической общности в Средней Азии. Закреплению названия «туркмен» за формирующейся народностью содействовало не только рождение могущественной державы Сельджукидов. В Хорасане, Горгане, Хорезме и других восточных провинциях в XI—XII вв. происходила ассимиляция древнего степного и оседлого населения с пришлыми сельджукскими племенами. Средневековые историки сообщают о постепенном изменении их физического облика под влиянием «тазикского» населения Мавераннахра и Хорасана⁴⁹. Поскольку такое этнически смешанное население давно именовалось в Средней Азии туркменами, то это название стало входить в широкий обиход. Однако формирование туркменской народности в XI—XII вв. не завершилось.

До первой четверти XI в. название «туркмен» прилагалось лишь к части огузов⁵⁰. Туркменами тогда именовали тех огузов, которые приняли ислам и ассимилировались с коренным, главным образом ираноязычным, населением Средней Азии. «В прежнее время,— сообщает Бируни,— любой из тюркогузов, кто принимал ислам и смешивался с мусульманами, становился переводчиком⁵¹ между теми и другими, так что, когда какой-нибудь гуз принимал ислам, гузы говорили: он стал туркменом⁵², а мусульмане говорили, что в их число вошел туркмен, то есть похожий на тюрка»⁵³.

С начала второй четверти XI в., уже в эпоху сельджук-

⁴⁸ Мунтаджаб ад-Дин Беди, *Китаб атабат ал-катаба*, Тегеран, 1329 г. х., стр. 23, 30, 31, 41, 55, 59, 82.

⁴⁹ См.: С. Г. Агаджанов, Новые материалы о происхождении туркмен,— *Известия Академии наук Туркменской ССР. Серия общественных наук*, 1963, № 2; *Средневековые этимологии названия «туркмен»*,— *Всесоюзное совещание по этногенезу туркменского народа*, Ашхабад, 1967.

⁵⁰ Это название, как отмечалось выше, прилагалось также к некоторым другим тюркоязычным группам, в частности состоявшим из карлуков и халлажей.

⁵¹ В арабском тексте стоит: «тарджуман». Попытка истолкования цитируемого отрывка сочинения Бируни сделана в нашей статье «Новые материалы о происхождении туркмен» (см. *Известия Академии наук Туркменской ССР. Серия общественных наук*, 1963, № 2).

⁵² В «Картине мира по Бируни» отмечен вариант: «теракиме» (*Biṛuni's Picture of the World. Memoirs of the Archaeological Survey of the India. Delhi, 1937, № 53*).

⁵³ Абу Рейхан Бируни, *Собрание сведений для познания драгоценностей*, пер. А. М. Беленицкого, стр. 193; Абу Рейхан Мухаммед ибн Ахмад ал-Бируни, *Китаб ал-джамахир фи марифат ал-джавахир*, Хайдарабат, 1355 г. х., стр. 205.

ского объединения и государства сырдарьинских ябгу, название «туркмен» получает широкое распространение в Средней Азии. Старое название «огуз» после середины XI в. постепенно исчезает. Начинается формирование туркменской народности, но этот процесс обрывается монгольским завоеванием.

Образование новых этнических общностей в результате великих переселений народов шло по нескольким путям⁵⁴. Наиболее распространенным был процесс этнического синтеза между суперстратной и аборигенной основой. Конечным результатом этого сложного и относительно длительного процесса было возникновение новых этносов. Основное направление этнического процесса и формирование туркменской народности шло по аналогичному пути развития. Сложение таких народностей сопровождалось интеграцией уровня общественного строя, ведущего типа хозяйства, развитием общности территории, языка и культуры. Подобные народности обычно сохраняли в физическом облике древние местные истоки и фактически получали от кочевников-завоевателей лишь общий язык. Сформировавшись в результате длительного многостороннего взаимовлияния аборигенных и пришлых компонентов, они вместе с тем отличались от своих исходных слагаемых. Различие заключалось не только в новом языке и метисных чертах антропологического типа, но и во всем комплексе ведущих признаков, а особенно в этническом самосознании. Эти признаки формировались в результате долгой совместной жизни и тесных контактов на определенной территории, являвшейся важным условием для развития новой этнической общности и существования единой народности. Другим не менее значительным фактором при этом было формирование общего языка, проявлявшееся главным образом в письменной литературе, которая возникла на базе различных говоров и диалектов.

Огузские племена сыграли в этнических процессах ряда стран Востока приблизительно такую же роль, как древние германцы в Западной Европе. В результате сельджукских завоеваний, а позднее и монгольского нашествия значительные массы огузов Средней Азии оказались в странах Ближнего и Среднего Востока и в Закавказье. Этнические компоненты огузо-туркменского происхождения в дальнейшем приняли

⁵⁴ См.: В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей, К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей; М. Н. Губогло, О влиянии расселения на языковые процессы, — «Советская этнография», 1969, № 5; В. И. Козлов, Типы этнических процессов и особенности их исторического развития, — «Вопросы истории», 1968, № 9.

активное участие в формировании азербайджанской и турецкой народностей⁵⁵.

В массовых передвижениях XI в. участвовали не только огузо-туркменские племена, находившиеся под властью династии Сельджукидов. Видную роль в них играли также огузские племена нижнего течения Сырдарьи, Приаралья и Северного Прикаспия. В период огузо-кыпчакской борьбы и особенно после разгрома огузов в середине XI в. большая часть их ушла в пределы Восточной Европы⁵⁶. Значительная часть огузов форсировала Амударью и признала власть Сельджукидов. Появление новой волны кочевников в Хорасане и других областях Сельджукского государства оказало влияние на ход дальнейших событий. Огузские родо-племенные ополчения были использованы Сельджукидами в их завоевательных войнах на западе⁵⁷. Активизация сельджукского движения в середине и начале второй половины XI в. с этой точки зрения была далеко не случайным явлением.

Сельджукское движение XI в., таким образом, имеет определенную связь с падением государства сырдарьинских ябгу. Однако на взаимосвязь этих исторических событий, к сожалению, до сих пор не обращалось почти никакого внимания. Между тем без учета этого факта трудно составить полную картину той эпохи.

Сельджукское движение и завоевательные войны XI в. сыграли важную роль в исторических судьбах не только огузов, но и покоренных ими стран Востока. Главным образом это нашло отражение в укреплении и дальнейшем развитии здесь феодальных отношений. Широкое распространение в пору господства сельджукидской династии получила система икта. Однако генезис этого феодального института, несмотря на наличие ряда исследований, фактически еще не выяснен.

В исторической литературе существуют различные взгляды на происхождение икта, широко распространившегося в XI—XIII вв. при Сельджукидах. Советские историки, в частности А. Ю. Якубовский, считают, что эта система была заимство-

⁵⁵ См. подробнее: Р. А. Гусейнов, Тюркские этнические напластования XI—XII вв. в Закавказье, — Семинар по проблеме происхождения и формирования азербайджанского народа, Баку, 1966; Д. Е. Еремеев, Особенности образования турецкой нации, — «Советская этнография», 1965, № 5; его же, Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории), М., 1971.

⁵⁶ Значительная часть этих племен, оказавшаяся в XI в. на службе у византийских императоров, перешла затем к Сельджукидам (см.: В. Г. Васильевский, Византия и печенеги, — Труды В. Г. Васильевского, т. I, СПб., 1908).

⁵⁷ См.: Ибн ал-Асир ал-Джазири, Тарих ал-камиль, т. IX, Каир, 1301 г. х., стр. 165 и др.

вана сельджуками у покоренных ими народов Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока. Ряд зарубежных историков утверждают, что происхождение этого феодального института имеет тесную связь с явлениями социально-экономического строя огузов и туркмен, входивших в состав сельджукской группировки⁵⁸. Они ищут генетические икта в общинном укладе огузских племен, основанном на праве каждого свободного человека получать равную долю пастбищ и других земель. В этих построениях имеется ряд спорных и недоказанных отправных точек. Трудно согласиться, правда, с механической проекцией общинной (санашиковой) формы собственности туркмен XIX в. на огузскую историю XI—XII вв. Кроме того, санашик при этом неверно характеризуется как родоплеменная община, в то время как в XIX в. она была уже сильно расслоена в имущественном отношении⁵⁹.

Таким образом, в советской и зарубежной историографии имеются различные точки зрения о происхождении икта сельджукского времени. Нам представляется, что при решении этого дискуссионного вопроса необходимо учитывать общую картину развития феодальных отношений в земледельческих областях Средней Азии, Ирана и сопредельных областей и стран Востока, а также в кочевой степи, где в X—XI вв. шел интенсивный процесс становления раннефеодальных отношений. Следует также учесть, что в XI в. значительные массы огузо-туркменских кочевых племен хлынули в эти страны благодаря сельджукским завоеваниям. Разумеется, завоеватели стояли на более низкой ступени общественного развития, чем местное оседлое население, но именно после сельджукского движения развитие феодальных отношений получает мощный импульс почти на всем мусульманском Востоке.

Как бы там ни было, сейчас назрело время поставить на повестку дня вопрос о генезисе икта XI—XII вв. Здесь мы имеем в виду не сам термин «икта», который существовал еще в Аббасидском халифате, а сущность того, что скрывалось под этим названием при Сельджукидах. Для достижения указанной цели необходимо выявить типологию икта, общие и локальные особенности этого феодального института в различных странах огромной Сельджукской империи.

В современной отечественной и зарубежной историографии слабо исследованы и вопросы, связанные с культурой огузских племен. Особенно плохо освещена духовная и ма-

⁵⁸ A. K. S. Lambton, *Landlord and Peasant in Persia*, London, 1953; O. Turan, *Le droit terrien sous les seldjoukides de Turquie*, Paris, 1948.

⁵⁹ См. *Очерки истории земледелия и аграрных отношений в Туркменистане (с древнейших времен до присоединения к России)*, Ашхабад, 1971, стр. 299 и сл.

териальная культура огузов Средней Азии. Не лучше дело обстоит с историко-этнографическим изучением сельджукских племен Закавказья и Малой Азии. В значительной мере это объясняется недостаточностью историко-этнографического и археологического материала. Сказываются также отсутствие научной систематизации данных письменных источников и фрагментарность имеющихся в них сведений. Нельзя считать, что с достаточной полнотой выявлен весь комплекс источников, необходимых для изучения быта и культуры огузских племен Средней и Передней Азии. Существенный пробел в рассматриваемой области исторической этнографии затрудняет решение многих важных проблем. В первую очередь это касается истоков культуры и процесса формирования различных тюркоязычных этнических общностей, имеющих прямое отношение к огузам.

Мы попытались обозначить лишь некоторые темы, входящие в весьма обширный круг проблем, связанных с историей средневековых огузов. Несомненно, что координация усилий различных специалистов, в том числе археологов, филологов и антропологов, позволит осветить многие узловые вопросы истории Центральной и Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока и Закавказья в сельджукскую эпоху.